

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
У98

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Уэллс, Герберт Джордж.

У98 Похищенная бацилла : [сборник : перевод с английского] / Герберт Джордж Уэллс. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-165233-3

Герберт Уэллс — не только автор культовых романов, но и мастер малой прозы. Его рассказы словно окна в будущее, раскрывающие загадки времени, пространства и души. Встречи с неведомыми реликтами, сохранившимися с древних времен, тайны, что поджидают человечество на дне океана, порталы в другие миры, трагедии непризнанных гениев и многое другое — все это есть на страницах книги.

В сборник вошли «В бездне», «Цветение странной орхидеи», «Остров Эпиорниса», «Замечательный случай с глазами Дэвидсона» и другие рассказы, а также поздняя повесть «Игрок в крокет».

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. Э. Березина, наследники, 2026
© Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2024
© Перевод. М. Загот, 2026
© Перевод. Н. Рахманова, 2026
© Перевод. К. Чуковский, наследники, 2026
© Перевод. С. Рюмин, 2024
 Школа перевода В. Баканова, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-165233-3

ПОХИЩЕННАЯ БАЦИЛЛА

— А это, — сказал Бактериолог, вкладывая под микроскоп стеклянную пластинку, — это препарат холерной бациллы — зародыш холеры.

Бледный человек заглянул в микроскоп. Он, по-видимому, не привык к подобным вещам и заслонял свободный глаз тонкой белой рукой.

— Я почти ничего не вижу, — сказал он.

— Поверните этот винт, — сказал Бактериолог. — Может быть, микроскоп поставлен для вас не в фокусе. Зрение бывает ведь различное. Легкий поворот в ту или другую сторону.

— Ага! Теперь вижу, — сказал посетитель, — хотя тут, собственно говоря, и видеть-то нечего. Маленькие полоски и розовые нити. И эти крошечные частицы, эти незаметные атомы могут размножиться и опустошить целый город? Поразительно!

Он выпрямился и, вынув стеклянную пластинку из микроскопа, повернул ее к свету.

— Чуть-чуть видно, — сказал он, рассматривая препарат. Он запнулся. — Они живые? Они сейчас опасны в таком виде?

— Они окрашены и умерщвлены, — сказал Бактериолог. — Как бы я хотел, чтобы мы были в состоянии окрасить и убить все бациллы холеры, имеющиеся в мире!

— Я думаю, — сказал с легкой улыбкой бледный человек, — вы вряд ли станете держать около себя подобные экземпляры в живом, активном состоянии?

— Наоборот. Ведь нам это необходимо, — сказал Бактериолог. — Ну, вот, например... — Он прошел в другой конец комнаты и взял одну из герметически закупоренных пробирок. — Вот вам живой экземпляр. Это культура настоящей живой болезнетворной бактерии. — Он запнулся. — Холера, разлитая, так сказать, в бутылки...

Слабый отблеск удовлетворения скользнул по лицу бледного человека.

— Чертовски опасно иметь при себе такую штуку, — сказал он, пожирая трубочку глазами.

Бактериолог наблюдал, как болезненное удовольствие оживляло лицо его посетителя. Этот человек, явившийся к нему с рекомендательной запиской от старого приятеля, заинтересовал его именно в силу противоположности их натур. Длинные черные волосы и запавшие серые глаза, блуждающий взор и нервные жесты, порывистый, обостренный интерес гостя представляли для Бактериолога прелесть новизны. Как это не походило на флегматические рассуждения людей науки, с которыми Бактериологу главным образом приходилось иметь дело. И естественно, что ему захотелось перед таким впечатлительным слушателем блеснуть парочкою смертоносных эффектов.

Бактериолог задумчиво держал пробирку в руке.

— Да, — сказал он, — это холера в плену. Стоит только разбить такую пробирку над резервуаром питьевой воды и сказать этим крошечным живым частицам, которые видимы, только когда они окрашены, да и то под самым сильным микроскопом, и не

имеют ни запаха, ни вкуса, — стоит только сказать им: «Ступайте, растите и размножайтесь и наполняйте цистерны», — и смерть, таинственная, неуловимая смерть, смерть быстрая и ужасная, мучительная и бесстыдная, будет выпущена в город и начнет бродить по площадям и закоулкам в поисках жертв. Здесь она отнимет мужа от жены, там — ребенка у матери; здесь оторвет государственного деятеля от его долга, там — труженика от его забот. Она проскользнет в водопроводную магистраль и поползет вдоль улиц, захватывая и карая дома, в которых не хотят кипятить питьевую воду. Она заберется в заведения искусственных минеральных вод, смешается с салатом и притаится в мороженом. Она спрячется в водопое для лошадей и будет подстерегать неосторожных детей в питьевом фонтане на площади. Она просочится в почву и снова появится в родниках и колодцах, в тысяче неожиданных мест. Только пустите ее в водопровод — и прежде чем мы сумеем окружить ее и захватить, она истребит всю столицу.

Бактериолог вдруг замолчал. Ему не раз говорили, что красноречие — его слабость.

— Но здесь она не страшна. Здесь она совершенно безопасна.

Бледный человек кивнул головой. Его глаза сверкнули. Он откашлялся.

— Эти подлецы анархисты, — сказал он, — безумцы, слепые безумцы. Зачем бросать бомбы, когда есть такой способ. Я думаю...

Послышался легкий стук — едва заметное прикосновение ногтей к наружной стороне двери. Бактериолог открыл дверь.

— На одну минуту, милый, — шепнула его жена.

Когда он вернулся в лабораторию, гость его смотрел на часы.

— Я никак не думал, что заставил вас потерять со мной целый час, — сказал он. — Без двенадцати четыре... Я должен был уйти отсюда в половине четвертого. Но ваши препараты, право, более чем интересны. Нет, я положительно должен бежать. У меня деловое свидание в четыре.

Он пошел к выходу, рассыпаясь в благодарностях. Бактериолог проводил его до парадной двери и задумчиво пошел по коридору обратно в лабораторию. Он думал о национальности своего посетителя. «Этот человек определенно не принадлежит ни к тевтонскому типу, ни к латинскому; какой-то нездоровый выродок, — подумал Бактериолог. — Как он смотрел на эти бациллы!» Внезапная мысль встревожила его. Он повернулся к столу около паровой ванны, а затем поспешно бросился к своему письменному столу. Потом он торопливо обшарил карманы и кинулся к двери. «Я, может быть, оставил ее на столе в столовой», — подумал он и хрипло закричал:

— Минни!

— Что, милый? — донесся издали голос его жены.

— Было у меня что-нибудь в руке, когда я разговаривал с тобой?

Пауза.

— Ничего не было, милый. Я помню это потому, что...

— Черт возьми! — воскликнул Бактериолог и немедленно помчался к парадному ходу, а оттуда по лестнице выскочил на улицу.

Минни, услышав резкое хлопанье двери, испуганно кинулась к окну. В конце улицы худой чело-

век садился в кеб. Бактериолог — без шляпы, в ночных туфлях — бежал, отчаянно жестикулируя, по направлению к кебу. Он потерял одну туфлю, но это не остановило его. «Он сошел с ума, — сказала Минни. — Проклятая наука!» И, открыв окно, она хотела окликнуть его. Худой человек вдруг оглянулся и был, по-видимому, поражен той же мыслью. Он поспешно указал вознице на Бактериолога и что-то сказал ему. Фартук кеба защелкнулся, кнут взвился, копыта лошади застучали, и в одну минуту кеб и рьяно преследующий его Бактериолог промчались по улице и скрылись за углом.

Минни с минуту стояла, высунувшись из окна, и затем отошла. Она была подавлена. «Конечно, он всегда отличался эксцентричностью, — раздумывала она, — но бежать по Лондону в разгар сезона в одних носках...»

Счастливая мысль пришла ей в голову. Она поспешно надела шляпу, схватила башмаки мужа, сняла с вешалки его шляпу и летнее пальто и, выбежав на улицу, окликнула кеб, очень кстати проезжавший мимо.

— Поезжайте прямо и потом по Хейвлок-кресцент, пока мы не увидим джентльмена, который бежит по улице в бархатной куртке и без шляпы.

— Бархатная куртка, мэм, и без шляпы? Хорошо, мэм!

И возница деловито хлестнул лошадь, словно он всю жизнь привык гоняться за джентльменами в бархатных куртках и без шляп.

Через несколько минут маленькая группа извозчиков и зевак, которая толпится всегда вокруг извозничьей биржи на Хейверсток-Хилле, была поражена

зрелищем бешено мчавшегося кеба, запряженного худой пегой клячей.

— Это Гарри Хикс. Что с ним такое? — сказал полный мужчина, известный под прозвищем Старого Тутлса.

— Ну и жарит же он ее кнутом, вот это да! — сказал конюх.

— Глядите-ка, — сказал старикан Томми Байлс, — еще один сумасшедший. Ей-ей, он спятил!

— Это Джордж, — сказал Старый Тутлс. — И он везет сумасшедшего, ты верно сказал. Смотрите! Да он сейчас вывалится. Что за черт! По-моему, он гонится за Гарри Хиксом...

Группа вокруг извозчицье́й биржи оживилась. Раздались возгласы: «Валяй, Джордж!», «Вот это скачки!», «Догоняй его!», «Жарь кнутом!».

— Как на бегах! — сказал конюх.

— Провались я на этом месте! — закричал Старый Тутлс. — Я, кажется, сам рехнусь через минуту. Еще один. Гляди-ка, еще один едет. Да что это? Все кебы в Хемпстеде спятили, что ли, сегодня?

— Глядите-ка, баба! — сказал конюх.

— Она за ним гонится, — сказал Старый Тутлс. — Обыкновенно бывает наоборот.

— Что у нее в руке?

— Да смахивает на шляпу.

— Вот так дьявольская потеха! Держу три против одного за старого Джорджа, — сказал конюх. — Идет?

Минни проехала под гром рукоплесканий. Это ей не особенно понравилось, но она сознавала, что исполняет свой долг. Она ехала, не спуская глаз со спины старого Джорджа, который с таким непонятным азартом мчал прочь от нее ее блудного мужа.

Человек в первом кебе сидел, забившись в угол, плотно скрестив руки. Он сжимал в кулаке маленькую пробирку, заключающую в себе такие огромные возможности разрушения. Его настроение было странным смещением страха и упоения. Он боялся главным образом того, что его схватят раньше, чем он выполнит свое намеренье, но за этим таился более смутный, но и более сильный страх перед чудовищностью его преступления. И вместе с тем восторг его значительно превышал его страх. Еще ни один анархист даже не приблизился к его идее. Равашоль, Вайян — все эти знаменитости, славе которых он так завидовал, — что они в сравнении с ним! Ему нужно только добраться до воды и разбить эту маленькую пробирку над резервуаром. Как блестяще он задумал весь этот план! Он подделал рекомендательное письмо и проник в лабораторию. А как блестяще он воспользовался случаем! Наконец-то мир услышит о нем. Все эти людишки, которые издевались над ним, пренебрегали им, предпочитали ему других, находили его общество не интересным, — о, теперь они вынуждены будут считаться с ним! Смерть, смерть, смерть! Они всегда обращались с ним, как с ничтожеством. Весь мир был в заговоре, чтобы держать его в неизвестности. Он им покажет теперь, что значит обходить такого человека. Какая-то знакомая улица. Сэнт-Эндрюс-стрит. Ну да, конечно. Как обстоит дело с погоней? Он высунулся из кеба. Бактериолога отделяют от него едва пятьдесят ярдов. Это плохо. Его могут поймать. Он пошарил в кармане и нащупал полсоверена. Он протянул деньги через окошечко на крыше кеба прямо в лицо вознице.

— Вот еще! — сказал он. — Только бы удрать.

Монета мигом исчезла из его рук.

— Ладно! — сказал возница. Окошечко захлопнулось, и кнут скользнул по лоснящемуся крупу лошади. Кеб покачнулся, и анархист, привставший под окошечком, опустил руку, державшую стеклянную пробирку, на фартук кеба, чтобы сохранить равновесие. Он почувствовал, как хрупкая пробирка треснула, и отломившаяся половина ее упала со звоном на пол кеба. Он с проклятьем упал на сиденье и с отчаянием смотрел на две-три капли жидкости на фартуке.

Он вздрогнул.

«Что ж? Вероятно, я буду первой жертвой. Пусть. Во всяком случае я буду мучеником. Это чего-нибудь да стоит. Но это гнусная смерть, как-никак... Хотел бы я знать, неужели это действительно так мучительно...»

Вдруг его осенила мысль. Он начал шарить под ногами. Маленькая капля еще висела на обломанном конце трубочки. Он проглотил ее, чтобы действовать наверняка. Лучше действовать наверняка. Во всяком случае он уж не промахнется!

Затем он сообразил, что ему больше незачем спасаться от Бактериолога.

На Уэллингтон-стрит он велел извозчику остановиться и вышел из кеба. Он поскользнулся на подножке и почувствовал, что в голове у него неладно.

Быстро действующая штука — этот холерный яд.

Мановением руки он, так сказать, вычеркнул извозчика из своей жизни и стоял теперь на тротуаре, скрестив руки на груди, ожидая появления Бактериолога. В его позе было нечто трагическое. Сознание неминуемой смерти придавало ему какое-то величие. Он приветствовал своего преследователя вызывающим смехом.

— Vive l'anarchie!* Вы опоздали, мой друг! Я выпил это. Холера на свободе.

Бактериолог, не вылезая из кеба, с любопытством уставился на него сквозь очки.

— Вы это выпили? Анархист. Ага, понимаю.

Он хотел еще что-то сказать, но сдержался.

Улыбка зазмеилась в уголке его рта. Он расстегнул фартук кеба, собираясь вылезти. Увидев его движение, анархист попрощался с ним драматическим жестом руки и направился к мосту Ватерлоо, старательно задевая своим зараженным телом как можно большее число людей. Бактериолог был так поглощен этим зрелищем, что даже не выразил удивления, когда на тротуаре появилась Минни с его шляпой, башмаками и пальто.

— Очень любезно, что ты принесла мне мои вещи, — сказал он, все еще не сводя глаз с удаляющегося анархиста. — Отчего ты не садишься в кеб? — прибавил он, не поворачивая головы.

Минни теперь окончательно убедилась, что он сошел с ума, и, на свою ответственность, приказала вознице ехать домой.

— Надеть башмаки? Конечно, милочка, — сказал он, когда кеб повернул и скрыл от его взора гордо выступающую черную фигурку, казавшуюся маленькой вдали. Затем ему вдруг пришла в голову какая-то забавная мысль, и он засмеялся. Потом заметил: «Как-никак это все-таки очень серьезно».

— Понимаешь, этот субъект оказался анархистом. Пожалуйста, не падай в обморок... Как я тогда доскажу тебе эту историю до конца? Я хотел поразить его — я не знал, что он анархист, — и показал ему культуру

* Да здравствует анархия! (франц.) — Примеч. ред.

этого нового вида бактерий, о которой я говорил тебе, что они, по моему предположению, вызывают синие пятна у многих обезьян. Я по глупости сказал ему, что это азиатская холера. И он сбежал с этой пробиркой, чтобы отравить лондонский водопровод. Этот почтенный город мог основательно посинеть. А теперь он проглотил содержимое пробирки. Разумеется, я не могу сказать наверно, что с ним будет, но ты знаешь — котенок окрасился в синий цвет, и три щенка покрылись пятнами, а воробей стал ярко-голубым. Вся беда в том, что мне предстоит теперь снова хлопоты и расходы, чтобы приготовить новую культуру... Надеть пальто? Зачем? Ведь страшно жарко. Ах, потому, что мы можем встретить миссис Джаппер? Милочка, миссис Джаппер ведь не сквозняк. С какой стати мне надевать пальто в такой жаркий день из-за какой-то миссис... Ну, хорошо, хорошо.

1894

В ОБСЕРВАТОРИИ АВУ

Обсерватория Аву на острове Борнео стоит на вершине горы. К северу от нее поднимается потухший вулкан, черный ночью, на фоне безбрежной синевы неба. От небольшого круглого здания с грибовидным куполом склоны круто обрываются вниз к мрачным тайнам тропического леса. Ярдах в пятидесяти от обсерватории находится домик, где живут главный астроном и его помощник, а немного поодаль — хижины их туземных слуг.

Тэдди, начальник обсерватории, болел лихорадкой и не выходил из дому. Его помощник Вудхауз постоял немного, любуясь тропической ночью, прежде чем приступить к своей одинокой вахте. А ночь выдалась на редкость тихая. Время от времени в хижинах туземцев слышались голоса и смех или из таинственной глубины леса доносился крик какого-нибудь неведомого зверя. Словно призраки, появлялись из мрака ночные насекомые и порхали вокруг фонаря. Вудхауз, может быть, думал о том, как много неизвестного еще таится в черной чаще там, внизу, ибо для естествоиспытателя девственные леса Борнео — до сих пор страна чудес, полная удивительных загадок и едва намечающихся открытий. Желтый огонь фонаря, который он держал в руке, спорил с бесконечной гаммой цветов,

от лилово-голубого до черного, в которые был окрашен ландшафт. Лицо и руки Вудхауза были смазаны мазью, предохраняющей от укусов moskitov.

Даже в наши дни, когда научились фотографировать небо, нелегко работать в обсерватории временного типа, оборудованной только телескопом и самыми примитивными приборами, ибо приходится вести наблюдения в неудобной позе и подолгу не двигаться. Вудхауз вздохнул, когда подумал о предстоящей ему утомительной ночи, потянулся и вошел в обсерваторию.

Читатель, весьма возможно, знаком с устройством обыкновенной астрономической обсерватории. Здание строится в форме цилиндра с очень легкой полукруглой крышей, которую можно вращать изнутри. В центре на каменной подставке стоит телескоп, а часовой механизм, компенсирующий вращение земного шара, позволяет не выпускать из поля зрения намеченную к наблюдению звезду. Помимо этого, у основания телескопа имеется целая система колес и винтов, с помощью которых астроном его регулирует. В подвижной крыше, разумеется, есть прорез, перемещающийся при обозрении неба вместе с объективом телескопа. Наблюдатель сидит или лежит на наклонной деревянной скамье, которую он может откатывать в любое место в зависимости от положения телескопа. Чтобы наблюдаемые звезды казались ярче, в обсерватории должно быть темно, насколько это возможно.

Когда Вудхауз вошел в круглое здание, пламя фонаря ярко разгорелось, и окружающий мрак отступил в черные тени позади огромного телескопа, а потом, когда пламя начало слабеть, снова разлился по всему помещению. Через прорез в крыше виднелась бездон-

ная прозрачная синева неба, в которой шесть звезд сияли тропическим блеском, и их сияние роняло бледный отсвет на черную трубу телескопа. Вудхауз переместил крышу; перейдя к телескопу, он повернул сначала одно, затем другое колесо, и огромный цилиндр медленно качнулся и занял новое положение. Потом он посмотрел в искатель, маленький подсобный телескоп, еще немного сдвинул крышу, сделал кое-какие приготовления и пустил часовой механизм. Он снял куртку, потому что ночь была очень жаркой, и откатил на место неудобную скамейку, к которой был прикован на ближайшие четыре часа. Вздохнув, он покорно приступил к наблюдению над тайнами пространства.

В обсерватории стало тихо, огонь в фонаре постепенно меркнул. Далеко в лесу какой-то зверь порою рычал от страха или боли или звал свою самку, а у хижин переговаривались слуги-малайцы. Вот один из них затянул странную песню, которую время от времени подхватывали остальные. Вскоре все они, по-видимому, улеглись спать, потому что больше никаких звуков оттуда не долетало, и шепчущая тишина ночи становилась все более и более глубокой.

Мерно тикал часовой механизм. Москит назойливо гудел, исследуя все уголки помещения, и загудел еще злее, когда налетел на покрытое мазью лицо Вудхауза. Потом погас фонарь, и обсерватория погрузилась во мрак.

Телескоп медленно передвигался, и Вудхаузу пришлось изменить позу, когда сидеть стало совсем уже неудобно.

Он наблюдал за небольшой группой звезд в Млечном Пути, в одной из которых его начальник заметил или вообразил странную игру цвета. Это не входило